

A2 : «Сводь»

Под одним сводом:
мировой опыт
универсальных
мастерских

Монорезиденции —
фокус на эксперимент

«Сводь»: пространство
современного искусства

Под одним сводом: мировой опыт универсальных мастерских

Текст: Женя Чайка,
исследователь Ассоциации
арт-резиденций России

Искусство сегодня свободно от технических ограничений. Чтобы стать художником, не обязательно годами осваивать тонкости ремесла или технологии производства. Современный автор с легкостью меняет материалы, подбирая инструментарий под конкретные идеи. Такая подвижность становится возможна благодаря узким профессионалам художественного производства — мастерам. Задача художника — точно понять, какой именно вариант исполнения ему необходим, и доверить его нужным специалистам.

Правда, в России для работы в таком режиме все еще не хватает инфраструктуры. Художников и дизайнеров не учат взаимодействовать с производствами, а производства, в свою очередь, не привыкли иметь дела с художниками. Небольших фабрик в стране слишком мало, а большие заводы не ориентируются на творческие задачи.

Как показал мой опыт работы с программой **арт-резиденций Уральской индустриальной биеннале** (2012—2018), попытка наладить производство (пусть и штучное) художественных работ на огромном предприятии требует сверхусилий. Они могут приводить к невероятным результатам, но это всегда будет исключение, а не работающий алгоритм. Причина проста: любое производство — это система, заточенная под конкретные результаты, и не искусства, как правило, ожидают от гигантских металлургических комбинатов.

И тем не менее Урал с его десятками заводов мог бы стать универсальной производственной базой для современного искусства. На первый взгляд, для этого все есть: обработка металла, литье, любые камни, самые невероятные машины и сложнейшие оптические механизмы, наконец, 90 % мирового запаса графита, из которого делают все карандаши планеты, и прекрасный костяной фарфор. Нет главного: интерфейса для взаимодействия с художником, механизма, который позволил бы художественному производству вписаться в общий промышленный цикл.

Мировой опыт показывает, что системы, заточенные под художественное производство, все же возможны, причем самые разнообразные: от демократичных творческих лабораторий (они же — *maker spaces*), доступных каждому, кто готов внести небольшой членский взнос, до рафинированных арт-резиденций, куда попадают по очень большому конкурсу.

Для меня первой такой лабораторией стала **«Производственная база» (*Maker Nexus*)** в Сан-Хосе — сердце Кремниевой долины. Это мастерская с достаточно простым оборудованием — в основном здесь работают на столярных и слесарных станках, хотя имеются и 3D-принтеры. При уплате ежегодного взноса в мастерские может попасть любой желающий: достаточно просто зайти в календарь на сайте и выбрать свободный интервал. В основном мощностями *Maker Nexus* пользуются преподаватели и студенты местного Технологического университета, а в последнее время появились интересные практические занятия для детей и подростков.

Подобных творческих пространств немало по всему миру; некоторые объединяются в сообщества и участвуют в международных фестивалях мейкеров, другие предлагают свои услуги по почасовому тарифу даже тем, кто не преследует амбициозных целей, а хочет, скажем, изготовить своими руками столик.

Технологические центры компании *Autodesk*, напротив, ориентированы на сотрудничество с профессионалами. Эта программа арт-резиденций в пространстве **«Девятый пирс» (*Pier 9*)** в Сан-Франциско начиналась с того, что художникам и дизайнерам на конкурсной основе предоставлялась возможность испытывать новейшее оборудование с последним программным обеспечением. Таким образом сотрудники компании могли видеть свои разработки в деле и при необходимости их отлаживать. Сегодня фокус сместился от простого тестирования прототипов в сторону визионерства: *Autodesk* зовет к себе коллективы исследователей, производителей и предпринимателей.

В «Девятом пирсе» было выполнено множество красивых проектов: например, Стефани Пендер, работающая со стеклом, научила современный компьютеризованный сварочный аппарат делать потрясающие объекты, послойно наплавляя друг на друга стеклянные шарики.

Подобные технические прорывы возможны только при поддержке специалистов. Сложное оборудование всегда сопровождают мастера, которые знают, как оно устроено, и готовы учить других. Многие мастерские — прежде всего университетские — формируются вокруг таких профессионалов, чтобы начинающим проще было перенимать ремесло. Правда, предполагается, что художник освоит технологию как средство самовыражения, а не промышленного производства.

В этом формате отлично работает ***Fab Lab Barcelona*** — независимая образовательно-техническая база, которая сотрудничает с несколькими вузами: от расположенного по соседству Института передовой архитектуры Каталонии (*IAAC*) до Массачусетского технологического института (*MIT*). В последнем действует целая глобальная программа под названием **«Центр битов и атомов» (*Center for Bits and Atoms*)**, в которой участвуют более 2000 специалистов в 100 странах, причем каждая лаборатория внутри сети сохраняет собственный, уникальный профиль. *Fab Lab Barcelona* специализируется на дизайне будущего и вообще держит визионерскую планку, тогда как их коллеги из штата Мэн — **школа ремесел Хейстек-Маунтин (*Haystack Mountain School of Crafts*)** — делают ставку на открытость. Лаборатория принимает всех желающих, вне зависимости от совершенства навыков и наличия студенческого билета. Интересно, что под «ремеслами» в современных фаблабах подразумевается все что угодно, от цифровой вышивки до ЧПУ-фрезеровки; 3D-принтеры считаются базовым оборудованием, примерно как сверло или резак.

Особое место в ряду экспериментальных производственных площадок занимают институции, работающие с профессиональными художниками. Образцом здесь может служить

Государственная академия изящных искусств (*Rijksakademie van beeldende kunsten, RBK*) в Амстердаме. Как видно из названия, она тоже связана с высшим образованием, но в данном случае связь — скорее историческая. Академия была основана в 1870 году и более ста лет работала по традиционной модели, с преподавателями, студентами и учебными классами. Однако в 1990-е годы была проведена радикальная реформа: академия стала принимать художников со всего мира, но самое главное — аудитории превратили в студии, а большинство помещений переоборудовали под мастерские. Сейчас Рейксакадемия — одна из самых престижных резиденций в мире: здесь могут одновременно работать до 50 художников, которым предоставляется обширная библиотека и любое профессиональное оборудование, от слесарных и литейных цехов до высокотехнологичных аудио- и видеолaborаторий. При отборе в эту двухлетнюю резиденцию действует негласный критерий: приоритет отдается художникам, которые хотят освоить новые техники или материалы.

Еще одна резиденция мечты — это **«Город художников» (*Cité des arts*)** в Париже с тремя сотнями индивидуальных студий и общими мастерскими, где можно заниматься гравюрой, шелкографией и керамикой. Эта резиденция рассчитана на самостоятельную и традиционную работу.

Резиденции или мастерские, где доступно больше трех родов оборудования, — огромная редкость во всем мире. Но все подобные программы — как камерные, так и масштабные, как доступные, так и те, что напоминают башню из слоновой кости, — объединяет одно: они предоставляют инфраструктуру, готовую чутко реагировать на запросы художников, дизайнеров, создателей новых форм и идей.

Монорезиденции — фокус на эксперимент

Текст: Женя Чайка,
исследователь Ассоциации
арт-резиденций России

Сегодня в мире насчитывается не меньше пяти тысяч художественных резиденций, но лишь немногие из них дают возможность выбирать техники для работы. Как правило, если зона мастерских вообще выделяется, это просто универсальное «грязное» помещение с большим столом, который может по совместительству служить верстаком. Еще чаще предполагается, что резидент сам оборудует пространство — либо своими силами, либо вместе с организаторами, в зависимости от условий гранта.

Между тем в собственных мастерских современных художников можно встретить самые разные инструменты — от привычных мольбертов, печатных или ткацких станков и печей для обжига керамики до менее очевидных приборов вроде плиты для варки натуральной пастели или специальной утвари для изготовления пигментов; однажды мне попался даже небольшой пресс для формования высушенной крови животных. Нередко художники окружают себя электронными устройствами разной степени сложности. Вариантов множество, ведь мастерские каждый обустраивает под себя.

Однако новейшие технологические разработки мало кому доступны; и вот тут — то на помощь приходят специализированные резиденции. Для художников и дизайнеров, которым принципиально важна определенная техника, такие лаборатории насущно необходимы: они позволяют выйти на другой уровень сложности и реализовать проекты, требующие участия нескольких профессионалов. Это особенно актуально для видеоарта и кинопроизводства.

На юге Франции работает **студия анимации *Folimage***, где уже 25 лет действует программа резиденций для режиссеров детских мультфильмов. Подавать на нее можно только проекты, проработанные настолько детально, чтобы в резиденции сразу приступить к производству. Пятиминутная анимационная короткометражка делается от восьми месяцев до года. На этот период режиссер-резидент получает в свое распоряжение не только необходимое оборудование, но и команду:

аниматоры, композитор, звукорежиссеры. Работы резидентов считаются продукцией студии, так что *Folimage* берет на себя фестивальную дистрибуцию, прокат и управление правами. Например, фильм Нины Бисяриной «Рысь в городе» (2019) был в итоге отобран на 99 фестивалей и получил пять наград, а по его мотивам издали детскую книжку о приключениях огромной рыси в крошечном городе.

Если кинематограф традиционно воспринимается как результат коллективного труда, то ткачество, напротив, ассоциируется с индивидуальным — если не одиноким — монотонным процессом и женским уделом. Однако образ Пенелопы плохо сочетается с современными технологиями. Художникам и дизайнерам, работающим с текстилем, открыты невероятные возможности для совершенствования собственного мастерства и подключения чужого. **Текстильный музей в голландском Тилбурге (*Textile Museum*)** не только знакомит с историей и технологией производства, предоставляет научную базу в виде обширной библиотеки на всех европейских языках и образцов тканей разных эпох и стилей, но и активно участвует в развитии ткацкого дела. При музее работает текстильная лаборатория, оснащенная самыми современными станками: здесь можно делать даже 3D-узоры, а среди сотрудников есть люди, задача которых — продвижение итогового продукта, будь то дипломная работа или художественное произведение. Продукция лаборатории продается в музейном магазине, а некоторые проекты попадают в интерьерные или даже архитектурные коллекции.

Лаборатория в Тилбурге служит дизайнерам, архитекторам и художникам, в той или иной степени владеющим материалом, а созданный под эгидой ЮНЕСКО **Всемирный город ткачества (*Cité internationale de la tapisserie*)** в Обюссоне, напротив, дает авторам, привыкшим к другим техникам, возможность перенести свои работы на ковер. Художники отбираются на конкурсной основе; случаются и специальные проекты — например, сейчас в *Cité* создаются монументальные шпалеры по мотивам фильмов Хаяо Миядзаки.

Если резиденции в Обюссоне поддерживают исторические традиции ткачества, то на **Севрской мануфактуре** все строится вокруг не менее славных традиций фарфора. Правда, сюда в резиденцию могут попасть исключительно номинанты самой престижной в стране арт-премии Марселя Дюшана (их выставки устраиваются в Центре Помпиду). Из четверых кандидатов жюри выбирает одного; победитель на два года получает доступ к лаборатории, музею и библиотеке завода. Никаких навыков работы с глиной от номинантов не ждут: здесь исходят из того, что довести замысел до совершенства без участия опытных мастеров в любом случае невозможно.

Еще одна техника, где художник редко обходится без помощи мастера, — художественная печать. Таких резиденций довольно много; ради расширения географии примеров стоит сказать пару слов о существующей с 2005 года при фонде **'ase арт-резиденции в Буэнос-Айресе**. Это коллективный проект, выросший из объединения художников, кураторов и культурных менеджеров. Он построен по горизонтальному принципу, отрицающему всякую иерархию. Показательно, что в Южной Америке резиденции вписываются в подвижную образовательную модель, а их руководители зачастую имеют серьезный академический опыт.

Wave farm («Волнохозяйство») в Нью-Йорке — еще один независимый арт-коллектив, за 25 лет с момента основания развившийся из небольшой группы онлайн-вещателей в профессиональную организацию с собственной FM-частотой. Здесь специализируются на экспериментальной музыке и концептуальных радиопередачах, которые тут же выходят в прямой эфир и находят свою публику. «В стол» здесь никто не работает: вещание изначально заложено в формат, а профессиональная команда и проверенное оборудование — неотъемлемая часть резиденции.

В **Фонде Арчи Брея (The Bray)** на огромном ранчо в штате Монтана работают с совсем другим исходным материалом — глиной, но дистрибуция и здесь входит в базовый пакет

услуг, поскольку керамические мастерские совмещены с галереей, сувенирным магазином и лавкой товаров для художников. Основатель фонда был кирпичным магнатом и страстным любителем керамики; с 1952 года в его владениях привечают титулованных мастеров и начинающих керамистов со всего мира, которые могут приезжать на год или несколько месяцев и получать в свое полное распоряжение оборудование, лавку с расходными материалами и инструментами (резидентам — скидка) и возможности для торговли готовыми работами. Фонд настолько последователен, что устраивает тематические летние резиденции даже для писателей и философов.

Из приведенных примеров видно, что узкопрофильные резиденции могут работать совершенно по-разному: они существуют при музеях, студиях, объединениях энтузиастов и крупных производствах, которые сами по себе составляют национальное культурное наследие. Но все они предполагают прекрасное оборудование и штат сотрудников, которые в совершенстве умеют им пользоваться.

Подобные мастерские дают художнику, дизайнеру, архитектору то, что просто нереально получить иным способом: поддержку специалистов и доступ к редчайшему оборудованию — порой речь идет о машинах, которых во всем мире считанные единицы. Конечно, качество итоговых работ зависит не только от технической базы, но чем больше у художников возможностей, тем интереснее в конечном счете оказывается результат.

«Своды»: пространство современного искусства

Мастерская по работе с деревом, металлом и пластиком

Машины и инструменты, собранные в этой мастерской, годятся для любой работы по дереву, в том числе для изготовления дизайнерской мебели.

Фрезерно-гравировальный станок *FlexiCAM* с компьютерным управлением — один из самых современных и крупных в России: площадь его рабочего поля — 1,5 на 3 метра. Он фрезерует изделия по объемным цифровым макетам и позволяет вырезать барельефы до 15 см в высоту.

«У нас все задачи необычные, требующие нестандартных решений, — объясняет мастер по работе с деревом Григорий Толчинский. — Например, работа Светы Шуваевой „Исподлобье“ — это серия объектов из обожженной древесины и жаккардового полотна, которое художница соткала в нашей же мастерской по собственным эскизам. Но плотницкого ремесла здесь даже больше, чем ткацкого дела. Было интересно и с точки зрения конструкции. А при работе над сценой для перформанса „Джан“, который придумали Екатерина Куколь, Елена Дроздова и Элина Большенкова, мне пришлось гнуть фанеру по матрице, как это делал классик финского дизайна и архитектуры Алвар Аалто».

Звезда слесарной мастерской — роборука *KUKA*, робот-манипулятор, который можно использовать для фрезеровки или 3D-печати по пластику. У роборуки подвижные суставы и восемь направлений вращения. Лучше всего она справляется с крупными объектами: такие агрегаты умеют собирать автомобили, но могут решать и более заковыристые задачи. Художник Михаил Максимов поручил роборуке съемки фильма о взаимоотношениях человека и машин: она была разом и оператором, и одним из главных героев, а архитекторы Илья Изотов и Владислав Бек-Булатов хотят научить роборуку музицировать: «Мы собираемся делать звуковую инсталляцию с ее участием, а для этого планируем разработать и собрать новые музыкальные инструменты, заточенные под возможности робота».

Керамическая мастерская

В керамической мастерской можно экспериментировать с любой глиной.

«Главное здесь — муфельная печь немецкой фирмы *Nabertherm*, которая нагревается до 1300 градусов. Ее вместимость — 300 литров, что позволяет обжигать изделия высотой до 80 см (тогда как стандартное оборудование рассчитано на высоту не более 60 см), — комментирует Наташа Цыганкова, отвечающая не только за ткацкое, но и за керамическое оборудование. — У нашей печи очень удобная система загрузки: нижняя платформа целиком выдвигается, на ней можно спокойно расставить изделия и задвинуть обратно, ничего не повредив».

Художница Василиса Лебедева придумала тотальную инсталляцию: «Это своего рода макет мира в виде игровой площадки с войлочными и текстильными инсталляциями и керамическими скульптурами, которые отсылают к классическим глиняным свистулькам. Фигуры тут довольно большие, а сырая глина не держит форму, так что для работы нужны были вспомогательные подставки. Очень удобно, что рядом есть столярная мастерская: мастер сделал заготовки по моим эскизам, чтобы было легче лепить. А потом их можно использовать в готовой работе. Мне вообще интересно соединять керамику с другими материалами — пластиковыми деталями, текстилем, экспериментировать с майоликой, внедрением полудрагоценных камней и кристаллов».

Мастерская 3D-печати

В «Сводах» установлены современные машины, рассчитанные на самые разные материалы и методы работы. Например, на принтере *Formlabs* можно с ювелирной точностью распечатать детальные макеты, техника *Prusa* рассчитана на объекты со слоями разных цветов, а принтер *Raise3D Pro2* умеет работать не только с обычным пластиком, но и с угле-, металло- и древесно-наполненным, а также со стекловолокном.

«У нас есть две основные технологии. Первая — FDM-печать, или печать ниткой: изделие как будто выращивается послойно из заранее расплавленной пластиковой нити. Вторая технология — это фотополимерная печать лазером и ультрафиолетовой засветкой. Лазером печатаем в маленькой камере, объемом примерно 12,5 на 15 см, а с помощью ультрафиолетовой печати можно создавать объекты до 40 см в высоту», — объясняет Сергей Калинин, мастер по компьютерным станкам и 3D-принтерам.

Член Клуба друзей «Сводов» Александр Федоров работает над проектом «Ташкент. Архитектура сейсмического модернизма»: ему нужно напечатать 3D-макеты архитектурных памятников, которые появились в Ташкенте после землетрясения 1966 года, разрушившего почти весь город. Архитекторы-модернисты тогда придумывали не только сейсмоустойчивые конструкции, но и нестандартные формы быта: многоэтажки получали бассейны на крыше, высотные дворы и квартиры со скругленными углами, рынок — небесно-голубой купол, бетонные стены — ажурные украшения и мозаичные узоры.

«Я хочу рассказать о зданиях этого уникального периода, — говорит Федоров. — Многие из них так и не получили охранный статус и потому разрушаются или растворяются в современной городской застройке. Мне важно привлечь к ним внимание, показать ценность и красоту самих объектов и времени, к которому они относятся».

Текстильная мастерская

Базовый набор из промышленных и домашних швейных машин, оверлока (устройства для обработки краев ткани) и стола для отпаривания здесь дополняет уникальное ткацкое оборудование. И прежде всего — первый в России цифровой жаккардовый станок *TC2*, который позволяет переносить на ткань фотографически точные изображения. Он работает по самым современным технологиям, но при этом требует постоянного участия человека: норвежские художницы Вибекке Вестби и Геетика Наутиял придумали его не для массового производства, а для творческих экспериментов с переплетениями нитей. Поперечные нити (уток) прокидываются вручную, причем вместо стандартных волокон можно использовать солому, леску, пластик из 3D-принтера или сочетания материалов на разных участках полотна. 2640 вертикальных нитей основы — по 24 на сантиметр — продеваются тоже вручную, а затем поднимаются автоматически, по заданной программе: так получаются узоры и рисунки любой сложности, где каждое переплетение — это пиксель. Мультимедийная художница Алина Тихонова, участница программы *CoLLab*, изготовила на жаккардовом станке девять полотен, изображающих химическую реакцию смешения воды и нефти: «Я очень ждала появления в России такого оборудования, мечтала поработать с основным предшественником компьютеров: ведь на жаккардовых станках перфокарты были опробованы гораздо раньше, чем в вычислительных машинах».

Художница Света Шуваева, автор Волшебного леса в Доме культуры «ГЭС-2», под руководством мастера по текстилю Наташи Цыганковой освоила весь процесс в деталях: «Он оказался настолько притягательным, что я всерьез задумалась об образовании в текстильной сфере. Затем пришлось скрупулезно раскраивать материал, где использовалась крапивная, конопляная и хлопковая пряжа с добавлением металлизированной нити. Шести метров полотна не хватило, и пришлось добавлять другую ткань, соединяя ее с жаккардом с помощью рукодельной вышивки. Я поняла, как много нюансов возникает при работе с тканью, как важно знать технологию».

Центр художественного производства «Своды» — это творческое пространство в центре Москвы. Восемь мастерских при Доме культуры «ГЭС–2» оснащены оборудованием, на котором можно экспериментировать с деревом, металлом, пластиком, керамикой, текстилем и другими материалами. Кроме того, здесь есть фотолаборатория, аудио– и видеостудия, лаборатория 3D–печати, студия шелкографии. В «Сводах» не встретишь готовых проектов, зато можно наблюдать за тем, как неясные идеи постепенно обретают форму, и раз за разом убеждаться, что искусство — это прежде всего процесс.

Студия шелкографии

В мастерской шелкографии можно вручную печатать красками на водной основе по бумаге или ткани, причем любого формата, вплоть до максимального — А0+. А еще здесь есть маленький офортный станок для разных видов станковой графики и экспериментов с альтернативными техниками.

«Одно из важных преимуществ нашей мастерской — разнообразие масштабов, — комментирует мастер по шелкографии Мария Хармандарьян. — В нашем распоряжении имеется ризограф редчайшего формата А2, работающий с пятью цветами — черным, желтым, синим, золотым и розовым, а шелкографией можно печатать на листах размером до 70х100 см. Наше оборудование рассчитано как на штучную ручную графику, так и на полиграфические тиражи любого размера».

У художницы Саши Паперно остались самые радужные воспоминания: «Шелкографская мастерская в „Сводах“ — редкое для Москвы место, где можно ощутить себя художником–производственнымником. Бедная техническая база, нехватка материалов и красок (пресловутое „русское бедное“) — постоянный бич и неотъемлемая часть истории отечественного искусства. В „Сводах“ я чувствую себя, как на практических занятиях в нью–йоркском колледже Купер–Юнион: в окружении хорошей архитектуры, звуков станков и водяных пистолетов, запахов деревянной стружки, фотопроявителей, глины и красок, под присмотром молодых внимательных мастеров. Художникам дана возможность работать с технологиями и материалами, недоступными в личных мастерских. Это вдохновляет, дает свободу и способ воплотить идеи, недостижимые без производственной базы.

Когда представился шанс воспользоваться мощностями „Сводов“, мы со Светой Шуваевой как раз обсуждали совместный проект под названием „Домик на ножках“. В Светиной части нужны были жаккардовый станок и дерево, мне же, помимо небольших столярных работ, требовалась шелкографская мастерская. С мастером–печатницей Верой Суворовой мы быстро нашли общий язык: оказалось, что нас объединяет не только любовь к шелкографии, но и образование в соседних художественных институтах в Нью–Йорке, городе с огромной шелкографской традицией. Вместе с ней я осуществила давнюю мечту — попробовала внедрить трафаретную печать в живопись».

Фотолаборатория

Лаборатория «Сводов» специализируется на аналоговой фотопечати.

По словам ассистента фотолаборатории Екатерины Власовой, один из очевидных плюсов — возможность печатать крупноформатные изображения: «Для этого у нас есть увеличитель *Durst* на рельсах и проявочная машина *Colenta*, обрабатывающая отпечатки до 180 см по короткой стороне; в мире существует всего две машины с такой шириной печати. Цифровой плоттер (он же струйный фотопринтер) рассчитан на такой же формат. Мне кажется, каждый фотограф должен увидеть свои работы напечатанными, это позволяет посмотреть на них иначе.

В темной комнате можно экспериментировать с мокрыми процессами (проявкой, негативами) и химией. Знаю, что запереться на целый день со своими пленками и фотоувеличителем — мечта многих».

В «Сводах» доступны и альтернативные технологии — цианотипия, при которой химическая реакция дает белые изображения на лазурном фоне, фотограммы (изображения, которые получаются фотохимическим способом, без участия камеры), амбротипия (печать со стеклянных негативов по технологии 1850–х годов).

Художник Кирилл Глущенко, который занимается фотографией с детства и учился ей в Лейпцигской академии, признается: «Возможно, это поколенческое, но меня интересует только аналоговая фотография. В „Сводах“ удалось поработать с *C–Print* — оптической цветной фотопечатью с негатива. В качестве эксперимента я печатал снимки из разных серий, с узкой и широкой пленки. Убедился, что ручной отпечаток для меня все–таки не сравнится с цифровым: свет буквально проходит через негатив и оставляет отпечаток на фотобумаге. Есть в этом какая–то магия — как будто прямое прикосновение».

Аудио– и видеостудия

В студии звукозаписи можно записывать, монтировать, микшировать, сводить, заниматься мастерингом новых композиций, делать саундтреки для кино.

Акустику помещений разрабатывала бельгийская компания *Kahle Acoustic*, которая работала с Парижской филармонией, амстердамской Стоперой и Женевской консерваторией. Зал звукозаписи, где могут разместиться до 30 музыкантов и певцов с 50 микрофонами, оснащен отражающими, поглощающими и рассеивающими мягкими панелями. Эффект эха можно получать, прогоняя звук через подземные коридоры «Сводов» или даже сквозь 70–метровые синие трубы «ГЭС–2». А еще в студии стоит концертный рояль *Steinway and Sons*, который настраивается специально под каждую запись.

Композитор Виктор Осадчев, работавший в «Сводах» как член Клуба друзей и как завкафедрой звукорежиссуры Академии имени Гнесиных, особенно оценил образовательную направленность комплекса.

А режиссер и видеохудожник Андрей Сильвестров следил за появлением «Сводов» на звуковой карте Москвы «задолго до открытия, сначала на стройке, когда невозможно было представить, что это будет», потом принимал участие в процессе наладки оборудования. «Всегда необыкновенно интересно наблюдать, как рождается новый организм. Это похоже на рождение фильма: сначала где–то далеко маячит замысел, потом ты вдруг начинаешь чувствовать его телесность, потом много людей прикладывают усилия к тому, чтобы он состоялся, а тебе постоянно кажется, что все идет не так, а потом в какой–то момент удивляешься, как все слаженно работает, и начинаешь готовиться к премьере. Но есть одно существенное отличие: фильм можно закончить и двинуться дальше, а „Своды“, надеюсь, будут жить долго, в супружестве с художниками порождая новые произведения. Мой собственный брак оказался очень счастливым».

Программный директор Дома культуры «ГЭС–2»: Алиса Прудникова
Руководитель Центра художественного производства «Своды»: Людмила Фрост
Куратор Центра художественного производства «Своды»: Ольга Дружинина
Тексты: Ольга Дружинина, Женя Чайка
Иллюстрации: Ирина Корина
Дизайнер: Мария Хармандарьян
Редактор: Ольга Гринкруг
Корректор: Елена Каршина
Отпечатано в «Сводах» на *RISO A2*

Как попасть в «Своды»?

Существует два способа, если вы хотите поработать в «Сводах»: программа *Collab* и Клуб друзей «Сводов».

Участники программы *Collab* могут в течение полугода пользоваться любым оборудованием «Сводов», получая все необходимые материалы и техническую поддержку профессиональных мастеров. Для этого нужно прислать заявку на открытый конкурс, который в следующий раз пройдет в апреле 2023 года.

«Клуб друзей» — это программа, рассчитанная на работу над одним проектом в течение одного месяца в одной мастерской «Сводов». Участники могут пользоваться оборудованием и консультациями мастеров, но материалы придется найти самостоятельно. Заявки в «Клуб друзей» принимаются постоянно на сайте «ГЭС–2».

«Своды» открыты не только профессионалам, но и всем желающим: регулярно проводятся мастер–классы по керамике, столярному делу, 3D– и фотопечати. Кроме того, сюда можно прийти на бесплатный медиаторский тур и увидеть все своими глазами.

Болотная набережная, 15
пн — пт, 10:00 — 19:00
vaults@ges–2.org

Иллюстрации
Ирина Корина